

— Брат, ты мне как родной.

— Да, я тебе как родной, — Сун Инь рассмеялся, не зная, куда деть руки, и принялся распускать его волосы. Длинные пряди рассыпались по плечам. Он запустил пальцы в шевелюру — мягкую, приятную на ощупь. — Сяо Янь, почему волосы такие длинные? Завтра свожу тебя подстричь.

— Нет. Ему нравятся.

— Кому?

— Чэн Хао. Моему парню, — Янь Цзою решил быть откровенным.

— Чэн Хао... Мы же знакомы ещё по модельным временам. Но семья Чэн и наша... не в ладах.

— Знаю. Поэтому и сидел за границей. Там вольготно, никто не достаёт, — Янь Цзою прислонился головой к его плечу. — Родителей потом присмотри за меня.

— Эх, ты... — Сун Инь и раньше сталкивался с Чэн Хао — тот не казался человеком, способным на верность, в приватной жизни творил что хотел. Но это их личное дело, лезть не стоит. Да и характер у Сяо Яня — не даст себя в обиду.

Он лишь сказал:

— Сяо Янь, в любви есть и сладкое, и горькое. Но когда любишь по-настоящему, вспоминается только сладость. А ошибёшься — будет больно. Ты должен ясно видеть: любишь ли ты его, любит ли он тебя. И только потом решать.

— Угу. Только родителям ни слова.

— Ладно, ладно, — на этом тему лучше закрыть. Даже с самыми близкими такие вещи не обсуждают. Сун Инь перевёл разговор:

— Давай примеряй. Я сфотографирую — тебе на память.

Глядя в зеркало на себя в костюме от госпожи Чжун, он почувствовал внутреннее тепло.

Янь Цзою невольно вспомнил то маленькое платье, что она сшила для него лично. Как же умудрились его постирать и потерять?

— Брат, я позвоню.

Сун Инь отложил камеру, с улыбкой глядя на своего переменчивого братишку:

— Иди.

Ноль тридцать шесть ночи. Шумный город потихоньку засыпал в колыбели темноты.

В одном из общежитий для рабочих города А резкий телефонный звонок разорвал тишину, вызвав ворчание у чутко спящих.

Гу Та тоже разозлился. Он только-только провалился в сон.

Махнул рукой — отключил звонок. Но телефон упрямо трещал снова и снова, будто назло. Гу

Та перевёл его в беззвучный режим.

Он решил продержаться свою «богиню» в неведении. Что достаётся слишком легко — того не ценят. Вот и вчера в переулке, столкнувшись лицом к лицу, она его не узнала. А ведь он, можно сказать, её спаситель! В древние времена за такое полагалось отдать руку и сердце.

Гу Та ещё больше утвердился в мысли отстраниться, чтобы «богиня» крепко-накрепко запомнила: был такой человек, Гу Та, который однажды спас её.

Лёжа с закрытыми глазами, он снова и снова вызывал в памяти образ «богини» в ванной. Эта декадентская красота щекотала душу. В конце концов сердце дрогнуло — он вышел и ответил.

— Ха! Наконец-то ответил! — Голос был звонким, сердитым, без намёка на женственность.

— М-м? Кто это? — Гу Та сделал вид, что не знает.

Янь Цзою готов был лопнуть от злости:

— Где моё платье?

— О-о... Так ты насчёт платья. Вижу незнакомый номер — думал, реклама какая. Нынче, сам знаешь, мошенников полно.

— Где живёшь? Завтра приеду.

— Завтра работаю.

— Где работаешь? Приеду туда.

— Отель «Лунсиньсюань».

— Хорошо, завтра днём буду. Ты только не забудь взять...

Янь Цзою не успел договорить — Гу Та бросил трубку. Да, надо быть холодным. Обязательно холодным.

Но сердце колотилось. Вернувшись в комнату, он лёг, вертелся с боку на бок — сна ни в одном глазу.

Сверху вдруг высунулась лохматая голова. Большие, как виноградины, глаза уставились на Гу Та — будто на диковинку.

Гу Та решил поехать на лето в город А работать после того, как получил приглашение от местного университета. В большом городе зарплата точно выше, чем ковыряться два месяца на родине. Да и достопримечательностей много. И денег заработать, и погулять, и до учёбы близко — три в одном.

Когда Гу Та уезжал из дома, его батя, сжимая в кулаке деньги, с великой неохотой протянул их и наставительно изрёк: мужчина должен быть ответственным!

Так что Гу Та с гордостью не взял из дома ни гроша (кроме денег на учёбу), погрузил чемодан и прихватил с собой Чёрного, который на тот момент сосал фруктовый лёд.

Чёрный — это Цяо Юй, хозяин той самой лохматой головы. Парень мягкий, говорит с

задержкой в полтакта, зато отличник. Вот только собственного мнения почти не имеет — в университет подался, куда и Гу Та. Почему Чёрный? Потому что... он белый. Ну, белых людей много, но до такой степени, до белизны снега — такого Гу Та за свои восемнадцать лет не встречал.

Хотя вчера один попался — светлокожий, статный, ноги длинные. При этой мысли Гу Та самодовольно хмыкнул.

Но, вспомнив, как «богиня» с ним обошлась, вздохнул.

Цяо Юй уже несколько минут наблюдал за ним — то вздохнёт, то усмехнётся. Он потёр глаза и пропищал мягонько:

— Гу Та, а чего не спишь?

Гу Та ухмыльнулся:

— Сейчас, сейчас усну.

Поместье семьи Янь. Комната в дальнем конце второго этажа всё ещё светилась. Мужской голос звучал мягко, учтиво.

— Сяо Янь, давай примерим последний комплект.

Сун Инь достал белое шерстяное пальто и накинул поверх пиджака, затем поправил воротник и волосы. Отошёл на шаг, удовлетворённо улыбнулся.

— Стой смирно, щёлкну.

Сделав снимок, поднёс камеру, чтобы показать:

— Кажется, я стал лучше снимать.

Янь Цзою бросил на него укоризненный взгляд:

— Брат, да ты подумай, кого снимаешь! Великую супермодель Янь! Так что даже если ты снимаешь как попало, получится шедевр.

— Верно, верно, мой Сяо Янь самый красивый.

Янь Цзою переоделся в пижаму и помог Сун Иню собрать разбросанную по кровати одежду. Закончив, Сун Инь поднял вещь, которую тот швырнул на пол, и внимательно осмотрел со всех сторон:

— Почему в такой дешёвой одежде ходишь? Денег не хватает? Сяо Янь, скажи честно — как ты там три года жил?

Тут же полез в сумку, вытащил пачку купюр — во взгляде читалась неподдельная забота:

— Сяо Янь, если не хватает, а у родителей просить неловко, обращай ко мне. На чужбине не так, как дома, — не мучай себя. К тому же я домосед, девушки нет, за годы съёмов скопилось — тратить некуда. Поможешь мне разориться.

Янь Цзою от этих слов покотился со смеху:

— Я в этой одежде просто жизнь попробовал. Деньги у меня есть, брат, не беспокойся.

— Сяо Янь, на завтра планы есть?

— Есть. Утром съёмка для «Жемчужины», но всего один образ — быстро управимся. Днём — к одному человеку, одежду забрать. А что?

— Хотел с тобой погулять — мы ведь давно не выбирались вместе.

— Конечно, брат. Значит, завтра ты весь день дома?

— Ага.

— Тогда я тебя разбужу, поедешь со мной на съёмку. Кстати, знаешь, тот старина Чэнь, который меня снимает, — просто беда. Однажды чуть ли не через полгорода за мной гнался.

— Старина Чэнь из «Жемчужины»? — Сун Инь зевнул. — Уже три часа, давай спать, а то завтра не встанешь.

— Ладно. Ты тоже ложись пораньше. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Янь Цзою уже вышел, но Сун Инь снова окликнул его. Он не верил, что тот сможет проснуться сам:

— Кстати, во сколько вставать? Лучше я тебя разбужу, чтобы не проспал.

— Не волнуйся, завтра меня разбудят — не просплю.

Когда дверь закрылась, Сун Инь открыл ноутбук, и его тонкие пальцы заскользили по клавиатуре.

<http://bllate.org/book/16261/1463084>